

1.5. Общественно-исторические цивилизации и капитализм

Рассуждая о встречной роли капиталистического сектора в формировании общества, мы фактически демонстрируем более конкретный подход к проблеме общественных формаций. Я хочу ответить на следующий вопрос: является ли капиталистическая общественно-экономическая формация общественно-исторической необходимостью? В качестве ответа скажу, что данная часть моей Защитной речи свидетельствует об отсутствии подобного рода общественно-исторической необходимости. Глубокой ошибкой и заблуждением марксистского толкования исторического материализма заключается в утверждении о наличии такой необходимости. Более ужасающим является то, что поочередное выстраивание общественных формаций, представление идеализма Гегеля под маркой материализма не содержат в себе ничего иного, кроме второстепенной производной. Э. Кант смущенно пытался выделить роль субъекта против такого рода мировоззрения, касающегося объективного развития, следовательно, утверждает нравственность в роли свободы выбора. С точки зрения этики свободы марксизм отстает от философии Канга. Говорить о каких-либо других правых либеральных мировоззрениях вообще бессмысленно. Они считают капитализм не просто необходимостью, а чуть ли не последним словом истории.

До тех пор, пока не будет раскрыта и разоблачена внутренняя суть капиталистических определений, которые гораздо опаснее религии и основаны на являющемся самой консервативной религией позитивизме, свобода выбора не получит никаких шансов. Впрочем, двухсотлетняя история утопического социализма и социалистического строя свидетельствует о том, что социализм оказался главной поддержкой капитализма слева и так и не смог выйти за пределы этих функций. Вопрос намного сложнее выяснений, где совершена ошибка. Ошибочна сама парадигма. Даже наличие двух-трех дифференцирующих ошибок или верных предположений не меняет результата этой точки зрения. Прямолинейный подход к истории приводит к тому, что все последовательные формы воспринимаются как нечто, написанное и Махфузе (давно уже predetermined на уровне Господа), и осуществляется в свой черед. Даже тривиальные дискуссии общего характера о воле, распространенные в эпоху Средневековья, выше подобного рода позитивистско-материалистических подходов. Определяющим фактором поражений, понесенных борьбой за социализм, стал этот парадигматический подход к обществу.

Ясно, что все определения, данные мной в предыдущих планах, совершенно не имеют никакого отношения к этим принципам. Что уж говорить о представлении капитализма как обязательной социальной стадии! Проблема в том, что такой подход, умышленно или неумышленно, находится под воздействием этой системы, являясь орудием его пропаганды. Скажу сначала то, что я должен был сказать в финале. Капитализм не может являться общественной формацией. Он пытается влиять на общество, ему это удастся, но формацией быть он не может. Тем не менее, кто-то может возразить, что капитализм уже четыре столетия господствует как единственная формация. Но господствовать — это одно, а быть формацией — это совершенно другое. История знает общественные формации или стили: это первобытнообщинный строй, классовое государство или цивилизованное общество и демократическое плюралистическое общество. Такие схематические авангардистские термины, как «первобытное», «рабовладельческое», «феодалное», «капиталистическое» и «социалистическое» общества, в большинстве своем носят догматический характер. Иными словами, это проявление идеализма и фатализма. Что очень важно понять: в моем определении три типа общества не могут следовать один за другим по прямой линии. Это, скорее, ближе к углубляющейся и расширяющейся системе, развивающейся по спирали. Принимая ее диалектическую цепь развития, я, тем не менее, хочу открыто заявить, что считаю крайне неверным утверждение о том, что прогресс происходит путем ликвидации одной формации другой. Методы, построенные на принципе «тезис-антитезис-синтез», могут стать удобным логическим средством для раскрытия действий в основе мироздания. Но очень богатый диалектический стиль и понимание связи, допускающие разнообразие, признающие взаимный рост (симбиотическая связь), гораздо ближе к диалектической функциональности природы или имеют пояснительный характер.

Необходимо не забывать и осознавать, что основное и Вселенское значение имеют дилеммы, допускающие образование во вселенной целой системы, от мельчайших частиц до целых образований на космическом уровне, а также стиль зарождения, основанный на взаимоотношениях и взаимовлиянии этих уровней, несущий в себе оба уровня, но осознающий разницу между ними. В основе всех различий и развития можно видеть образования такого типа.

Общество не стоит особняком, вдали от этого стиля образования. Оно обладает языком формирования того же стиля. Собственно говоря, оно постоянно создает дилеммы. Общество способствует возникновению новых различий, два из которых таит в себе. Именно такое восприятие диалектики в различиях и развитии обществ поможет нам лучше освоить конкретику. Вооружившись этим диалектическим мировоззрением в отношении самых мелких социальных ячеек и слившихся воедино образованиях, мы поймем, что наши возможности восприятия и толкования стимулируют развитие наших человеческих особенностей (потенциал свободного человека). Мы можем развивать ответственную свободную личность, конкретизируя общество в личности, но более того, мы можем сделать свободным общество, испытавшее влияние свободной личности. Возможности освобождения обладают наилучшим потенциалом равенства и демократизации.

Должен еще раз подчеркнуть, что, выявляя тройную динамику социальной действительности, я совсем не ищу никаких открытий. Я всего лишь стараюсь адаптировать на общество динамику вселенских образований. На вопрос почему тройная динамика я

ответу, что основой всего является БЫТИЕ. Если существование, как проблема, требует ответа, отчего тогда надо перейти к утверждению о существовании. Однако бытие, на мой взгляд, несомненно. Не будь жизни, не было бы необходимости в этих вопросах и ответах, ибо несуществующее не может иметь в ней места. Там, где ничего нет, речь идет только о невозможности образования чего-либо, стало быть, ни о чем, а это и есть то, что можно назвать глупостью.

Если принять факт бытия, то имеет смысл говорить о форме возникновения. Смысл жизни, полное развитие сознания дают ощущение того, что различия и развитие основаны на процессе возникновения. На этой основе в таких категориях мышления, как мифы, религия, философия и наука, был сформирован величественный свод правил. Во всяком случае, нельзя отрицать существование этого свода правил. Все они в основе хотели дать ответ на процесс возникновения. В этих условиях одни обратили свои взоры на мифологические, другие на религиозные методы, но этого оказалось недостаточно: для спасения хватало философской и научной категорий. Их дееспособность схожа, но ответы разные. Задавались вопросы о причинах, способах и целях возникновения, и выяснилось, что каждая категория старается дать ответ в рамках своей дисциплины. Наука, как самая претенциозная дисциплина, в значительной степени осветила тройную динамику возникновения. При перенесении механики «материя-энергия» и «частица-волна» на квантовый уровень (и теоретически, и экспериментально) было установлено, что дилемма способствует всем формам возникновения, финал является продолжением следов порожденной им дилеммы (поток «материя-энергия» и «частица-волна» обладают вселенским характером) по формуле «два и третьем», и так обнаруживает дифференциацию, а преобразования осуществляются в форме прогресса или регресса. Тем самым подтверждается, что основная характеристика динамики бытия является именно такой. Нет никакой необходимости в повторных доказательствах.

Обратим внимание на самих себя. Ребенок обнаруживает большое сходство с матерью и отцом, продолжая наследственную линию обоих родителей, но, вместе с тем, является новым образованием, представляющим этот генетический уклад в развитии (эта дифференциация развивается очень медленно; в принципе, такой характер дифференциации обнаруживается во всех явлениях природы). Можно считать это частицей возникновения. Зарождение только в такой форме, по сути, завоевывает победу в борьбе за бытие. Что такое борьба за существование? Как можно продолжать жизнедеятельность? Бытие является продолжением жизнедеятельности путем изменений. Почему? Может быть, для того чтобы доказать свое существование. Для того, чтобы, меняясь, созерцать божественный и величественный характер бытия!

Глупость заключается в следующем: отчего мы так отдалились или были отдалены от реальной истины, когда надо было продемонстрировать здоровую логику, наблюдая наиболее близкие нам образования?

Только пролив свет на эту чушь, придем к решению основной задачи. Я говорю о сетях и вуалях, которые с момента зарождения накрывают собой функциональный характер социального явления. Отчего же общественный характер бытия испытал потребность в каком-то прикрытии? Почему в результате этих процессов мышление разделилось на

чувственное и аналитическое? В чем заключаются их функции? Ответы, которые мы дадим, помогут нам разобраться в нашем обществе и изменить ее так, как мы того захотим. Человек как субъект — это субстанция, ценность которой заключается в том, что его можно РАСТОЛКОВАТЬ И ИЗМЕНИТЬ В ЛЮБОЙ ФОРМЕ. Насколько толкование и желание (другими словами, размышление и ощущение, желание) совпадут с динамикой возникновения, настолько высокими будут шансы на успех нового явления. Чем дальше это окажется от баланса, тем больше консервативности и отставания будет наблюдаться в общественной картине. Развитие чувственного и аналитического мышления происходит вокруг этих проблем.

На этом завершим эту часть рассуждений, тяготеющих к философии. Я постараюсь глубже раскрыть эту тему в «Социологии Свободы».

Социум, называемый нами кланом, безусловно, не являлся стабильным образованием. Развитие отличий вида (от других человекообразных приматов) означает развитие кланового сообщества. Основная задача клана заключается в сохранении собственной жизнедеятельности. В целом проблема любого общества (сообщества миллионов обществ) — это, прежде всего, продлить свое существование, остаться в живых. Задача заключается в защите от сил, стремящихся разрушить его общественный уклад. У всех обществ всегда и везде существуют такие проблемы. Эта защита сводится к сохранению жизни в форме защиты против различных опасностей, порой — в рискованной ситуации. Иногда формируется благоприятная, симбиотическая обстановка, дающая возможность взаимного развития. Тогда в данном конкретном месте набирает обороты позитивный процесс, вид обогащается материальной и духовной культурой общины или племени. Если в спиралевидной форме отобразить дилемму «я и прочие», относящуюся к социологическим понятиям последнего времени, то окажется, что «я» переходит на позиции защиты от «прочих», являющихся источником опасности и риска. Или «я» побеждает противника и продолжает свое развитие, или останется в подвешенном состоянии, сохраняет свою жизнь, но развитие его задерживается. Однако возможно и такое развитие событий: «я» терпит поражение и, в зависимости от степени своего поражения, полностью или частично теряет существование. В таком случае «я» перестает быть самим собой, становясь объектом другой субстанции, или же, будучи ассимилированным, «я» продолжает свое существование уже как совершенно другой человек. Так формируются категории, называемые извращенными или деградированными субстанциями.

Говоря конкретно, борьба общества за выживание происходит на более примитивной стадии образования. При этом, с одной стороны, общество оберегает себя оттого, чтобы не стать жертвой хищных зверей, с другой стороны, имеет место борьба против естественных условий в целях спасения в условиях неблагоприятных климатических условий, недостатка пищи и болезней. Если опасность угрожает жизни, то благоприятные условия способствуют ее положительному развитию. Пусть и в ограниченной форме, но нами освещены основные звенья этого приключения, (большая часть которого прошла в Африке, а последние — примерно миллион лет в Европе и Азии. Эти сообщества, похожие друг на друга, еще не развившие символический стиль общения, численностью не более ста человек, формировались вокруг личности матери-женщины, что происходило преимущественно под воздействием биологических особенностей, но не без влияния общественной практики.

Даже окончания женского рода, характерные для первых языков, подтверждают эту истину. Нельзя игнорировать материнскую ориентацию общества. Важно видеть в лице матери-женщины не только вождя, властную личность, но, прежде всего, естественную руководящую силу, обладающую жизненным опытом и воспитывающую детей. В условиях поселений, похожих на ранние домашние очаги, еще больше возростала притягательность матери-женщины как хранительницы этого очага.

Понятие «отцовство» — это комплекс социальных взаимоотношений, возникший намного позднее, и на протяжении длительных периодов общество не знало этого понятия. Только с развитием таких понятий, как «институт наследства» и «система собственности», понятие «отцовство» стало развиваться в связи с патриархатом. Принадлежность детей и статус брата матери, то есть дяди, являются более ранними понятиями. Формами удовлетворения материальных потребностей были собирательство и, в ограниченной степени, охота. Наиболее значительным жизненным аргументом стал статус члена клана. С большой долей вероятности можно предполагать, что изгнание из клана или изоляция чаще всего оборачивались смертью. Стоило бы рассматривать клан как ядро здорового общества — это истинная форма социума.

Мы часто говорили о том, что после долгих этапов развития, а также в силу благоприятного географического положения был осуществлен переход к неолитическому обществу, причем главное русло этого прогрессивного течения пролегло в благоприятных условиях подножий Тавро-Загросской горной системы. Мы много говорили о том, что этот этап можно считать вершиной матриархального общества, а также то, что он породил возможность производства излишков продукта. На этой стадии, зачастую называемой социальными науками первобытным обществом, ранним и поздним каменным веком, первобытнообщинным строем, имела место серия этапов, которые, на мой взгляд, имело смысл называть матриархальным обществом. Это и есть та самая стадия, которая занимает почти девяносто девять процентов всего срока жизнедеятельности человеческого общества. Нельзя преуменьшать значение этого фактора. Нетрудно понять, что на фоне накопления излишков продукта и других культурных ценностей и недрах матриархального общества вокруг женщины бездарно болтался «коварный и сильный мужчина», набиравший влияние в общине благодаря случаям удачной охоты и последовательно искавший пути установления господства над этой общественной системой. Многие антропологические данные и археологические находки, наблюдения, споры и взгляды считают это вероятным.

Мы также много говорили о формировании патриархального общества главным образом в результате установления власти в форме симбиоза жреца, правителя и военачальника. Правильнее всего было бы искать прототип новой формы общества именно и этом процессе. Говоря о новом социуме, мы подразумеваем формирование внутри клана иной иерархической структуры. Это расслоение приняло конкретные формы благодаря тому, что иерархия способствовала стойкому процессу классового расслоения и организации типа государственности. Ясно, что общество, познавшее классы и государство, стало качественно иным. Основопологающей динамикой этих перемен является то, что излишки продукта перестали дарить другим и, превратив в обменный товар, вынесли на рынок, где товар стал предметом торговли. Классовое расслоение и стремление к огосударствлению обретает более четкий характер тогда, когда в качестве стойкого элемента общество

укореняется тройственная сила «рынок-город-торговля». Не буду повторяться, поскольку мы часто разрабатывали вопрос о том, как протекал этот процесс в рамках категорий времени и места. Различные социологические школы, в силу разнообразного понимания, стараются наделить это общество такими эпитетами, как «классовое общество», «городское общество», «эстатическое общество», «рабовладельческое», «феодалное», «капиталистическое» общество. Но поскольку классовость, урбанизация и государственность обладают более конкретными и устойчивыми особенностями, на мой взгляд, правильнее было бы называть общество, соответствующее содержанию процессов «цивилизации» и «культурного становления», не иначе как «цивилизованное общество», или просто кратко «цивилизация».

Но не следует забывать, что под словом «цивилизация» мы, с точки зрения общественной этики, имеем в виду отнюдь не возвышение или развитие, а главным образом упадок и давление. Цивилизованный социум, согласно суждениям в рамках старых общинно-матриархальных ценностей, то есть в рамках понимания нравственности, считается ужасающим упадком. В наиболее древнем из известных нам языков — в шумерском языке — эта связь передается очень ярко и значительно. Так, слово «амарги» в шумерском языке означало одновременно «мать», «свобода» и «природа». Синонимия, выстроенная в языке между такими понятиями, как мать, свобода и природа, является очень ярким показателем правильного понимания сути. Шумерское общество, первым познавшее смысл цивилизации, этим самым словом «амарги» выражало свою ностальгию по не очень далекому прошлому, когда процветал культ старого или общинно-матриархального социума. Этот общественный хаос можно проследить на оригинальном примере Шумера — это очень захватывающе и поучительно.

Отражение во взаимоотношениях между женщиной и мужчиной дисбаланса, обернувшегося против женщины, можно наблюдать на примере первого эпического опыта, поостренного на диалогах Инанны и Энки (богиня Урука и бог Эриду, охранявшие, по преданию, свои города). Этот эпос, предшествовавший эпосу о Гильгамеше, раскрывает спор между общинно-матриархальной системой или обществом, с одной стороны, и иерархически-патриархальным обществом (переходным к цивилизации), с другой стороны. Здесь конкретно осознается то, что процесс протекал в крайне несправедливой форме, в условиях ожесточенной борьбы. Исторические данные предоставляют нам касающиеся процесса аргументы, причем сам процесс мы могли бы назвать примитивной демократией на ранних этапах шумерского общества. Совет старейшин тогда еще не был превращен в патриархальную систему. Оживленные споры являются своего рода признаками демократии. Пока еще не были сформированы понятия из области божественных заповедей типа приказа (по сути, это можно назвать принципом односторонней военно-деспотической системы, исходящей от «коварного и сильного человека», надевшего на себя маску). Кстати, стиль повествования в эпосе об Инанне очень живой и раскрывает сущность явлений, имевших место в обществе, а точнее — несправедливости, бедствий, выпавших на долю женщины, ее достижений и ею рожденных детей. Если бы было достаточное количество письменных документов, то с большой долей вероятности можно было бы увидеть и понять, что шумерское общество того периода находилось на переходной стадии, которая по своим характерным признакам опережала даже афинскую демократию (в сущности, демократию рабовладельческого класса).

Теоретически можно установить, что переход к цивилизованному обществу был тесно сопряжен с переходом к демократическому обществу. Резкая полемика, имевшая место в первых советах старейшин, стала, собственно говоря, первыми шагами, начальным отражением демократического социума. На этой стадии всех обществ можно наблюдать аналогичную дилемму: это дилемма между демократичным обществом и обществом цивилизованным. В более понятной и конкретной форме речь идет о дилемме между государством и демократией. Проблема демократии стоит везде, где есть государство. Вместе с тем, во всех сферах, где есть демократия, присутствует риск этатизации. Подобно тому, как демократия не является формой государственности, неверным является представление о демократическом государстве. Нужно очень внимательно отнестись к характеру связей между этими двумя институтами.

Именно это стало той самой дилеммой, которая на протяжении всей истории была объектом различных манипуляций. Вопрос о том, что именно развивается (в недрах старого общества), демократия, или государство, способствовал возникновению массы заблуждений и споров. Это свидетельствует о том, что оба процесса протекали в тесном переплетении, с полемикой, противоречиями и в воинственной форме. Например, очень захватывающий и конкретный характер носили дискуссии и конфликты, касающиеся демократии-республики и султаната в исламской действительности, которую мы знаем лучше всего. Договор пророка Мухаммеда с Мединой кажется похожим на теорию общественного договора Ж.Ж. Руссо. Это можно ясно видеть как в самом Коране, так и в хадисах. Но крайне усилившаяся родоплеменная аристократия, в частности, иерархическая система племени курейшиты, откровенно стремилась к созданию султаната по типу Византии и Сасанидов. Этот спор шел еще во времена пророка Мухаммеда. Кстати, еще один смысловой аспект спора между Меккой и Мединой сводился к вопросу, какой быть новой системе — джамахирией (в переводе с арабского означает «демократия народа») или султанатом (монархией, наследуемой сыном от отца). Этот конфликтный процесс, начавшийся с бегства пророка Мухаммеда из Мекки (610 г. н. э.), закончился убийством в 661 г. пророка Али в Куфе, где и по сей день имеет место аналогичное по агрессивности противостояние. В итоге этого пятидесятилетнего спора победила племя муавитов. Очень сильная в те времена родовая иерархическая система не признавала никаких шансов за республикой, точнее, за ранней демократией. Социологическое исследование ислама с этой точки зрения дало бы очень интересные и захватывающие результаты!

Другим захватывающим историческим примером является создание Персидской империи в Иране. После длительных стычек и конфликтов персы смогли превратить наследие Мидийской конфедерации в империю. Определяющую роль в этом сыграла монархия Ахеменидов. Существует много показателей грозного периода, прошедшего под предводительством мидийских жрецов с 560 по 520 гг. до н. э.. Ярким примером тому является лживый Камбис. Дело в том, что структура предшествовавшей Мидийской конфедерации является примером ранней демократии. «История» Геродота дает интересные пояснения по этой теме.

Еще одним хорошо известным примером является Афинская демократия. Что же это были за войны, которые она вела с царством Спарта или с персами и македонянами — войны за демократию, империю или царство? Пусть в примитивной форме и на классовой почве, но

там уже имели место дискуссии и споры на тему, демократическое ли общество в Афинах, или цивилизованное общество. Споры по поводу республики и империи, не утихавшие в Риме, свидетельствуют о том, что эти распри могли стать причиной гибели ряда знаменитых личностей, в первую очередь, Цезаря. Следовательно, в Риме уже существовала грозное, воинствующее противоборство. Эти примеры можно было бы продолжить. Более того, чтобы удержать на высоте наш интерес к теме и развить глубину понимания, можно охарактеризовать с этой точки зрения Великую Французскую революцию и Великую Октябрьскую революцию в России.

Французская революция 1789 года была развернута против абсолютной монархии и завершилась созданием республики (радикальной общественной демократии). Эта революция прошла очень тяжелый этап революционного террора, после Триумvirата найдя продолжение уже в империи Наполеона. После различных переходных этапов было объявлено пять республик. Шестая находится на стадии дискуссий.

В Великой Октябрьской революции 1917 года прорыв был совершен путем создания более радикальной демократии (период Советской власти). В Гражданскую войну страна познала революционную диктатуру, в сталинский период диктатура укоренилась. В 1989 году, в год двухсотлетия Великой Французской революции Россия вернулась к демократии, которую стремится развить и по сей день. В период современного капитализма на арену почти ежегодно выходят сотни аналогичных примеров.

Эти пояснения с подробными примерами я привел в целях отражения противоречивой, напряженной и конфликтной сферы между двумя клубками взаимоотношений, коими являются цивилизация и демократия.

Важнейшим обстоятельством, требующим особого внимания, становятся то, что оба новых образования стремятся обустроить свое существование на почве коммуны. Как мы уже выяснили, коммуна — это та «материнская клетка», которая продолжает свое существование и по сей день, присутствует в тканевых структурах всех обществ и, несомненно, будет иметь фундаментальное значение до последних дней человечества, без которого жизнь просто немыслима. Подобно тому, как материнские клетки проводят корректировку, а при необходимости и реставрацию различных тканей организма, так и матриархальная община-коммуна в аналогичном стиле продолжает свое существование во всех обществах, где присутствует дилемма. Я часто подчеркиваю, что коммуна, пусть и в состоянии противоречия, напряженности, порой в согласии, присутствует в жизнедеятельности демократического и цивилизованного обществ, родившихся из его плоти, оно никогда не исчезало и не исчезнет, и настойчивое акцентирование мной внимания на этом вопросе имеет под собой серьезную основу, причины и следствия. По мере необходимости и уместности я буду регулярно освещать эту тему.

Мои рассуждения о противостоянии между демократическим и цивилизованным обществами совсем не исключает возможности достижения ими взаимного согласия. Напротив, согласие между этими двумя обществами важнее всего. Точнее, так должно было быть. Основная причина здесь заключается в том, что демократическое и цивилизованное общества не могут существовать друг без друга — как следствие диалектического

понимания того, что формации не уничтожают друг друга. Существование одной формации возможно благодаря существованию другой. Как я уже подчеркивал, исход демократии и цивилизации обусловлен единой матриархальной общиной-коммуной. Если демократия полагается на подавленное большинство населения, ставшее жертвой предательства, гнета и эксплуатации высших иерархических слоев, то цивилизация берет за основу, скорее всего, те слои общества, которые продолжают политику гнета и эксплуатации, идеологическую гегемонию высших слоев общества. Естественно, эти слои не так легко оторвать друг от друга и от их материнского лона — коммуны. Они развиваются в тесной связи, но различия между ними сильно развиты.

Здесь стоило бы рассмотреть в целом понятие общества. Более того, это надо сделать путем частых напоминаний и доведения до сведений. Сообщества должны восприниматься как единство тысячи типов переплетенных между собой отношений и противоречий, напряженности, религиозности, противостояния и солидарности, характерных для классового расслоения, тысяч групп внутри каждого класса, миллионов семей, всех видов сообществ, не дошедших до уровня классов, сопротивляющихся классовому расслоению, единиц, вместо глобализации стремящихся, напротив, к локализации, религий, языков, политики, экономики, родоплеменных сообществ, наций, международных связей, хаоса и систематичности. По мере того, как демократия и государство дополняют друг друга в условиях этого невероятного хаоса, формируется общественная система, близкая к миру. Состояние полнейшего мира возможно только при отсутствии государственности, но если теоретически это возможно, то практически мы еще очень далеки от возможности осуществить это.

Длительный период демократической жизнедеятельности, охватывающий все общество, даже государственное, может принести только к всеобщему миру. Можно говорить о мире, как о процессе без какого-либо противостояния, основанном на балансе сил (государственных и демократических сил), действующих на конкретный исторический момент. Если демократия захочет полностью проглотить государство, то в данный исторический момент, скорее всего, могут выявиться хаотические особенности. Об этом свидетельствует опыт многих стран. Если государство постоянно игнорирует демократию, то формируются деспотические, диктаторские системы, но на данный исторический момент их следствием является хаос. Цивилизация, называемая также историческим процессом, продолжается примерно пять тысячелетий. Демократия имела шанс на более ограниченный срок жизнедеятельности, но общество, подавляюще большинство и многие социальные группы ждали только демократии. Они поролись за демократию. Не исключено, что даже по истечении тысячелетий, пусть даже не в этой форме, государства и демократии продолжат свою жизнедеятельность в тесном переплетении, как единый вид.

Проблема заключается в том, что необходимо не только отделять друг от друга государство и демократию, но и привязывать их к систематическим правилам по принципу эффективности, или хотя бы, по меньшей мере, с точки зрения их связи, не предусматривающей взаимного отрицания. Не исключено, что возникнет необходимость в принятии конституций совершенно новой формы. Утверждения о тесной связи между существующим государством и демократией являются полным обманом. Тут уместен следующий пример: пытаюсь скрыть недостатки друг друга, они прикрывают проблемные

места фиговыми листочками. До тех пор, пока не будет преодолена такая ситуация, не может быть никакой конкретной дискуссии по поводу государства и демократии. Самые современные революции, коими являются Великая Французская и Великая Октябрьская революция, не только не достигли развития и конкретики в этом вопросе, но и попросту усугубили хаос. Крайне необходимо, чтобы политическая теория полностью определила содержание и формы демократии, не отрицающей необходимости государства (иными словами, не стремящейся влиться в струю государственности, но и не считающей государство препятствием, которое следует немедленно устранить). Только в связи с государством, готовым, по меньшей мере, к демократическим преобразованиям (не подменяет собой демократию и не запрещает ее). Действительно, есть необходимость в теории, но именно в такой теории, которая могла бы ответить на вопросы, возникающие в хаосе практической действительности. Я верю в то, что возможно сосуществование государства и демократии в обстановке минимальных взаимных противоречий и стремления к взаимному обогащению, более того, я верю в необходимость развития на этой основе самой сильной политической версии. Существующие государства, в сущности, не признают демократии. В принципе, государства — это ленивые и чудовищно громоздкие образования. Что касается демократий, то они, как карикатуры на государства, искажены в своей сути и недееспособны. Не вызывает никаких сомнений то, что именно этот вопрос является главным в политической философии и практике.

Повторюсь, эти обстоятельства, содержащие в себе массу нового, я в более широкой форме раскрою в книге «Социология Свободы».

Я понимаю, что изложил парадигму, отличную от традиционных либеральных и социалистических парадигм, выстроил главные теоретические рамки проблемы. В дальнейшем постараюсь обогатить ее содержание. Эти схематические рамки прочерчены для того, чтобы объяснить, куда и как я готов «разместить» капитализм, как «общественную формацию». Ясно, что я не считаю капитализм чисто экономической формацией, но я также не считаю его и общественной формацией.

В первую очередь, постараемся рассмотреть взаимоотношения, называемые капиталистической экономикой, в ракурсе единого цивилизованного общества. Необходимо хорошо осознать и усвоить то, что капиталистическая экономика зиждется на рыночных взаимоотношениях и конкуренции, порождаемой процессом превращения в товар, который иногда называют экономикой обмена, на монополистической прибыли, извлекаемой путем манипуляции разницей цен в различных регионах. И рамках этого определения надо также понять, что капиталистическая экономика, по существу, не является тем сектором, который создает обменную стоимость. Она связана с очень незначительной частью общей экономической жизнедеятельности. Но в силу стратегического положения это — незначительность, способствующая определению конкретности, совокупность обменной стоимости, накапливаемой в огромном количестве в руках узкой группы людей. Одним словом, у капиталистической экономики есть стратегическое превосходство, выраженное в ее умении манипулировать и спросом, и потребностью. Не стоит забывать, что этого преимущества не было даже у государств, существовавших на тот момент. Интерес представляет рождение этого преимущества и стиль его использования. Так или иначе, мы понимаем причину его рождения. Но поскольку использование основывается на постоянном

накоплении капитала, оно более чем поразительно и способно перевернуть общество. Называть его революционным означает совершить предательство по отношению к обществу, в особенности, если речь идет об исторически-демократическом обществе!

Когда же политэкономия признает тот факт, что использование капитала путем его увеличения (знаменитый закон о прибыли, который супермены от экономики продвигают вперед, воспользовавшись «священным» именем закона) — это ничто иное, как грабеж, совершаемый в утонченной форме? Почему я не называю «коварного и сильного человека» капиталистом? Потому что он берет прибыль силой и войной. Естественно, мы не забываем того, что война — это капкан. Она не испытывает потребности в праве, ей не надо вводить кого-то в заблуждение путем навязывания религиозных догм, облачать в различные одеяния. Достаточно передать право капиталистическом экономики: предшествовавшие капитализму взаимоотношения между государством и экономикой основывались на применении силы. Право иерархии на существующие традиции допускали возможность открытого захвата и присвоения чужого имущества, поскольку вера, к которой они были причастны, считала, что имущество иноверца может быть захвачено, и в этом нет никакого греха. Это означает «коварный и сильный человек» уже становился государством. Капиталистическая экономика в этом пункте отличается от классического государства. Я не говорю, что она вступает с ним в противоречия. Когда же на развитой стадии цивилизованного общества грабительство в виде трофеев перестает быть эффективным, над этим сектором, образно говоря, «всходит солнце». Впрочем, это различие выявляется тогда, когда оно вступает в действие именно в тот момент и в рамках тех процессов, при которых рабовладельческое и феодальное государство перестают быть эффективными (когда перестает оказывать воздействие право на открытую аннексию, право на трофеи, что можно назвать грабежом; все соки общества буквально выжимаются, и оно оказывается на грани невозможности производства излишков продукта). Тогда она прибегает ко всем атрибутам новой экономической системы.

Монополия рабовладельческого государства на первых порах Пыла очень плодотворной. Это видно, если обратить взоры на пирамиды фараонов, руины греко-римских городов. Капиталистический сектор в тот период уже существовал, но был очень ограничен. Эффективность государственного сектора не давало шансов на развитие или предоставляла мизерные шансы. По мере того, как рабовладельческая система теряла свою эффективность, наблюдалось распространение феодальной системы труда. Рассмотрение вопроса о том, почему рабовладельческая цивилизация перестала быть эффективной, не входит в предмет нашего данного исследования. Остановимся на том, что эта цивилизация в силу своих взглядов на труд и жизнь, просуществовавших очень долгое время (4000-500 г.г. до н. э.), распространения на широких территориях, огромных расходов, истощения запасов, территорий и людских ресурсов, которые рабовладельческая цивилизация присваивала силой и порабощением, распалась вследствие тысячи внутренних и внешних выступлений и восстаний демократического и освободительного характера.

Построенное на его месте цивилизованное общество, представленное преимущественно в лице исламского Ближнего и Среднего Востока и христианской Европы, в сравнении с греко-римской, а также шумерской и египетской цивилизациями, чьим наследником оно стало, основывалось на совершенно другом стиле узаконения и эксплуатации. На фоне серьезных

легальных возможностей, предоставленных двумя упомянутыми религиями, а также благодаря более свободному положению крепостного крестьянина в сравнении с рабом, цивилизованное общество сумело обновиться. Несомненно, христианство, служившее надеждой неимущих слоев на протяжении трехсот лет, борьба за равенство и свободу, проходившие в недрах ислама под прикрытием различных сект и течений и, следовательно, усилия и поиски демократического общества сыграли главную роль в том, что цивилизация стала обновленной и мобильной. Это состояние отнюдь не связано с величиной или широким развитием цивилизации, как пытаются утверждать идеологи цивилизации. Даже если и есть определенные достижения, то этой стадии цивилизация достигла их благодаря остаточному влиянию прежней общинной системы, структуры родов, бегству рабов от своих хозяев и тысячам выступлений и восстаний неимущих слоев.

Обновление традиции гнета и эксплуатации в цивилизованном обществе, осуществленное при помощи новых средств узаконения, привело к обновлению его основных средств, коими являлись классы, города и государства. В новой обстановке, где фигурировали такие социальные пары, как крепостной крестьянин и сеньор, город и рынок, государство и раб, значительно облегчилось обновление капиталистических элементов. Города, развивающиеся вокруг рынков на всем протяжении от Китая до Атлантического побережья, принесли с собой ускорение процесса производства товара, а также углубление и расширение их обмена. Разница в ценах между рынками обеспечил невиданный рост прибыли торговцев-монополистов. Впервые города смогли сохранить баланс в отношении сельской местности. Исламская цивилизация, сформировавшаяся между Дальним Востоком и Европой, была в определенном смысле торговой цивилизацией. В этом смысле она смогла дать Европе все, что было необходимо. Прочие фундаментальные средства цивилизации, например, материальная и духовная культура, были представлены еще с древних времен. Трансферт урбанизации, классовой культуры и государственности завершился с приходом ислама. Ставную роль в этом, несомненно, сыграли арабы и евреи. Все те дела, которые в античную эпоху оставили незавершенными греки и римляне, завершили арабские и еврейские мудрецы, ремесленники и торговцы.

Единственным значительным недостатком цивилизации Ближнего и Среднего Востока стало то, что капиталистический сектор не смог сыграть главную роль в масштабе всей страны, преодолев влияние городов. Ближнему и Среднему Востоку не удалось сделать того, что позднее сделали Амстердам и Лондон, и главную роль в этом сыграла централизованная деспотическая авторитарная власть, оказавшаяся гораздо жестче абсолютистских режимов Европы. Политические образования в Китае и Индии обладали еще более жестким эксплуататорским характером, нежели ближневосточные султанаты. Япония частично осталась в рамках феодального политического образования европейского стиля.

К XVI столетию у древних азиатских цивилизаций уже не осталось и пяди земли, не подвергшейся натиску захватчиков. Доходы Чингисхана и Тимура и последующие переселения тюркских племен всего лишь освежили кровь в регионе и предоставили им новые возможности. Все, что могло произойти, происходило и Европе, которая больше напоминала полуостров на западной окраине Азии. Именно Европа стала лабораторией, где формировалась новая цивилизация.

Когда вместе с цивилизацией торговля и капиталистический сектор были перенесены в Европу, там перед ними открылись нетронутые земли. Формировались новые городские структуры и совершенно неопытный «юный» европейский феодализм. Все это нельзя было назвать цивилизацией. То, чего они добились к концу десятого столетия существования христианства, это образование морального и духовного иммунитета. Если бы такая древняя цивилизация, как ближневосточная, сумела выстоять, шансы на развитие капиталистической цивилизации оказались бы в высшей степени спорными. Новые цивилизации зарождаются на нетронутых землях. С позиций развития самих цивилизаций было бы поучительным принять во внимание и эту сторону. Обратив внимание на становление цивилизационного потенциала Европы, замечаем довольно занятную ситуацию вакуума. Так, трудности в продолжении прежнего образа жизни, с одной стороны, и «игрушечная» новизна в лице феодализма, с другой стороны, способствовали просачиванию между ними третьей силы. Например, как бы развивалась история, если бы одна из ветвей арабов, ворвавшихся в Европу через Испанию, османцев, пробравшихся туда через Балканы, или агрессивных племен с юга Сибири, и, наконец, монгольских потоков, создала в Европе империю старого типа? Стало быть, и для Европы шанс является значительным фактором.

Все эти «спекуляции» в отношении цивилизации мы осуществляем для того, чтобы внести ясность в процесс зарождения капиталистического сектора и обретения им характера гегемона. Как видим, нет никакого неизбежного звена в развитии цивилизации. Речь идет о том, что под объединенным влиянием тысячи случайностей группа крупных торговцев-спекулянтов, которых смогли многого добиться в укромных уголках и на окраинных регионах старых цивилизаций, играли в денежные игры с рынком и его антиподами, с лихвой захватывали свои доли прибыли на бесконечных торговых путях и эксплуататорских грабежах, а в итоге, благодаря двум беспринципным городам Европы, смогли установить свою гегемонию сначала на европейском континенте, а затем уже во всем мире.

Все исследования свидетельствуют о том, что эти спекулянтские группы были в высшей степени консервативными, не обладали никакой творческой мыслью, не принимали никаких новшеств. Сильно преуспели они лишь в одном — в «делании денег на деньгах». Единственная социальная сфера, где они смогли добиться успеха, — это извлечение прибыли в периоды голода и войн, увеличение своей прибыли на почве разницы цен в целом на мировом рынке. Интересной особенностью Европы начала XVI столетия стало то, что деньги обрели такую силу, которая позволяла им повелевать всем и вся. Деньги стали реально управлять и командовать. Сила была на стороне того, у кого были деньги. Несомненно, основным фактором стали чудовищные масштабы превращения всего окружающего в товар, установившееся господство рынка и глобальная урбанизация.

Ни у одной древней азиатской власти, султана или императора, даже ни у одного римского императора не было таких проблем, как превращение продукта в деньги, осуществление власти при помощи денег. Если и были такие вопросы, только и ограниченной форме. Мировые кладовые уже давно были перенесены во дворцы монархов. Но по мере того, как капиталистический сектор одерживал одну победу за другой, европейские короли оказывались в роли просящих денежные займы. Речь идет о совершенно другой стадии развития тандема денег и силы. Политическая власть впервые могла быть поставлена на колени перед деньгами. Эти реалии свидетельствуют о том, что власть денег усилилась

настолько, что они могли возложить на себя роль командующего жизнью. Эту истину озвучил Наполеон, говоря о своей армии: «Деньги! Деньги! Деньги!».

Преобладающая роль денежного фактора, лежащего в основе всех новшеств в истории мировых цивилизаций, способствует возникновению новизны в недрах цивилизации (речь идет не об истории того мира, который против цивилизации!). Но в основных качествах цивилизации никаким новшествам способствовать это не может. Действительно, ведь цивилизация и раньше была знакома с такими явлениями, как деньги, рынок, город, торговля, даже банки и векселя. Все эти орудия цивилизации были изобретены тысячелетия назад.

Другим важным моментом является то, что капиталистический сектор изначально не имел никакого отношения к производству. У капиталистического сектора не было никаких связей даже с мелкой торговлей. Для основных связей экономики не характерны никакие поиски и новшества. Он не является создателем товара и обмена, поскольку эти категории развивались на протяжении многих тысячелетий. Если и говорить о каких-либо способностях капиталистической экономики, то речь может идти только о том, что она очень хорошо познала силу денег, использует ее, превращает деньги в капитал, иными словами, извлекает прибыль из денег. Несомненным является ее мастерство в изучении городов и стран, дорог и рынков, где можно заработать денег. Капиталисты были мастерами плетения сетей, в которых обращаются деньги и товар. Говорить о том, что в начале XVI столетия Европа попала в эти сети, благодаря мастерству этой группы, значит согрешить против истины. Все приведенные нами примеры свидетельствуют о том, что роль этой группы в цивилизационном развитии была в высшей степени проблемной. Порождение капиталистической экономики на почве денег и рынка отнюдь не является необходимостью. В азиатской цивилизации имелось гораздо больше денег и рыночных возможностей. Если бы между этими факторами была прямая связь, то раньше всего капитализм возник бы в Азии. Общепринятым является мнение о том, что зарождение капитализма не связано с наукой, искусством, религией и философией. Напротив, с моральной точки зрения эти дисциплины воспринимали появление капитализма с сомнением, противились этому.

Я всегда стараюсь напоминать об одной теме: почему такая мощная сила, как женщина, оказалась в столь бедственном положении, обреченной на участь служанки в доме мужчины, ж отличающегося особым умением и творчеством? Ответ, разумеется, кроется в той роли, которую играет сила. Когда у женщины отнимают ее хозяйство, неизбежным становится ужасающее заточение. Если еще прибавить к этому контроль со стороны сына, то можно будет увидеть, насколько женщина обезличена и вынуждена смириться со своей ролью униженной и оскорбленной. Что касается «сильного мужчины», то его падение на дно вызывает гораздо более серьезную тревогу.

Я уверен, что этим примером можно показать, насколько глубокое влияние на общество имеют деньги, превратившиеся в капитал. Речь идет о признании того факта, что деньги, обретая силу власти, перестали быть просто экономическим явлением. Профессиональный историк Фернан Бродель, говоря о том, что капитализм — это антипод рынка, следовательно, экономики, более того, находится вне экономики, фактически озвучил очень важную истину. Его суждение очень ценно, поскольку связывает экономику с такими

понятиями, как «мена» и «стоимость». Я согласен с тем, что капитализм, удушающий экономику, никакого отношения к ней фактически не имеет, более того, он является врагом экономики. Я УТВЕРЖДАЮ, ЧТО КАПИТАЛИЗМ ЭТО НЕ ЭКОНОМИКА, А ВРАГ ЭКОНОМИКИ. В будущих главах я подробно изложу эту тему. Являются ли финансы экономикой? Являются ли экономикой мировые финансы? Имеют ли отношение к экономике те бедствия, которые охватили окружающую среду? Является ли безработица экономической проблемой? Имеют ли какое-нибудь отношение к экономике такие явления, как банки, векселя, курсы валют, проценты? Какое отношение к экономике имеет слепое производство товара во имя прибыли, ставшей раковой опухолью на теле общества? Список вопросом можно продолжить. Но единственным ответом на все эти вопросы является категоричное «НЕТ!». Формула такова: «Деньги, капитал — это повод для власти!». Деньги, превратившиеся в капитал, своими хитроумными играми не создали ни новую экономическую формацию, ни капиталистическое общество, ни новую капиталистическую цивилизацию. В реальности существует невиданная в истории игра, начатая с целью установления власти над обществом, причем не только над экономикой, а также над политикой, армией, религией, нравственностью, наукой, искусством, историей, материальной и духовной культурой. КАПИТАЛИЗМ — ЭТО НАИБОЛЕЕ РАЗВИТАЯ ФОРМА ГОСПОДСТВА, ЭТО ВЛАСТЬ!

Рассмотрим последние четыре столетия истории человечества, называемые эпохой капитализма. Осталась ли хоть одна метка, ткань в теле общества, над которой капитализм не установил бы свое абсолютное господство и власть?

Хитрый английский социолог Энтони Гидденс говорит о трех факторах непостоянства современности: это капиталистическая форма производства, национальное государство и индустрия. Действительно, он прав, характеризуя современность такими краеугольными камнями. Но, полагаю, он понимает, что своей парадигмой создает теорию новой стадии войны за спасение капитализма на его родине. Теория бесконечного развития капитализма путем его видоизменений, вместе с праволиберальной Теорией конца истории и леволиберальной теорией бесконечности активно внедряются в сознание общества вместе с утверждениями о последнем вселенском подъеме капитализма.

Свои рассуждения о капитализме я продолжу далее на базе последующего анализа современности. В частности, это будет осуществлено в ракурсе таких понятий, как «национальное государство» «и индустриализм». Я постараюсь отследить современность именно в кулуарах власти. Я буду анализировать не в ракурсе вдохновившего меня названия «домашний капитализм», придуманного Ф. Броделем, но оказавшегося недостаточным, а постараюсь рассмотреть современную ситуацию на примере хитрого шумерского божества Энки или в подземных дворцах наподобие эллинистического Гадеса, то есть именно в тех местах, где ведутся невидимые глазу игры за власть. Стало быть, раз умнее будет назвать главу «Во дворце голого короля и божества без маски». Синтезируя все стили пояснений, я продолжу свои рассуждения о том, как капитализм, изначально охваченный идеей вселенской власти, реализует свои идеи, опираясь на такие краеугольные камни, как национальное государство и индустриализм. Потому что дробление серьезных стилей пояснения также является одним из первых дел, которое совершил этот новый Левиафан. Пояснение без объединения стилей является крайне недостаточным. Объединение помогает критике добиться своей цели. Мой метод может быть предан забвению, но я верю в то, что он неминуемо приведет к эффективному толкованию общественных отношений, и, тем

самым, к их осознанию. Я постараюсь изложить последнюю часть своих рассуждений под названием «Капитализм как враг экономики». Моя следующая книга под названием «Социология Свободы» будет посвящена анализу демократического, свободного общества, в котором торжествуем равноправие.

Версия #1

Зверобой создал 25 декабря 2025 21:30:50

Зверобой обновил 25 декабря 2025 21:35:29